

Иоанна
ХМЕЛЕВСКАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA
HARPIE

Иоанна
ХМЕЛЕВСКАЯ

Гарничи

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska

Harpie

Перевод с польского *В.С. Селивановой*

Оформление — *Александр Шпаков*

Хмелевская, Иоанна.

Х65 Гарпии : [роман] / Иоанна Хмелевская ; пер. с польского В.С. Селивановой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Всё красное).

ISBN 978-5-17-092489-9

Жила-была девушка. Звали ее Доротка... И воспитывали бедняжку Доротку три злющие тетки. Ну просто сущие гарпии! Целыми днями Доротка старалась угодить неугомонным тетушкам, но тем всё было не так. Довели Доротку своими придирками до того, что ей белый свет стал не мил. Но тут вдруг письмо из Америки! На родину возвращается крестная Дороткиной матери и сразу же, по непонятной причине, отписывает всё свое миллионное состояние трем скверным врединам. Только успела странная миллионерша составить завещание, как тут же умерла, и, как оказалось, не своей смертью! Тут-то и началось самое интересное...

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

© Joanna Chmielewska, 2016

© Перевод. В.С. Селиванова, наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-092489-9

Гарпии

Перевод В. Селивановой

Возвращаться домой ужас как не хотелось. От автобусной остановки Доротка Павляковская тащила ногу за ногу, не замечая грязи на тротуарах и тоскливо размышляя над тем, зачем, собственно, она идет домой. Потому что голодна? Так ведь можно перекусить и в городе, купить какой-нибудь гамбургер или хот-дог, более дорогой обед не по карману. Потому что на улицах холодно и сыро? Так никто не заставляет ее шляться по улицам, можно зайти в недорогое кафе или бар, посидеть в тепле за чашечкой кофе или стаканом горячего чая... Ну а потом что? За стаканом чая не прочитаешь книгу, которая осталась дома, да и всякое другое чтение тоже. Выходит, самое любимое занятие вне дома невозможно. И сколько ни сиди в баре, все равно останешься голодной, усталой и раздраженной, и душой тоже не отдохнешь, а брюки до колен промокли. Черт побери! Каждого нормального человека тянет в привычный угол, вот почему ноги сами влекут ее домой, хотя знает же, что ее там ожидает.

И еще подумалось: каждая нормальная взрослая женщина, которой не хочется возвращаться домой, отправилась бы или к косметичке, или к приятельнице, или, на худой конец, к хахалю. Хотя... разве у хахалю отдохнешь душой и телом? Все равно, любая другая нашла бы,

куда пойти. В кино, например. А вот она возвращается домой.

Хотя Доротке было двадцать два года, она считала себя взрослой. И вполне справедливо. Однако в парикмахерской не была ни разу, ее пышные вьющиеся волосы не нуждались в услугах мастера, их достаточно просто вымыть. Косметичка нужна ей как рыбке зонтик. Ха-халя же просто не было. Так что после занятий на курсах иностранных языков и посещения издательства, где ей время от времени подбрасывали оплачиваемую работу, то есть по окончании полноценного рабочего дня, девушка возвращалась домой.

А дома ее ждали три тетки, три гарпии *, — родные сестры Дороткиной матери, которая умерла при родах и которую дочь видела лишь на фотографии. Тетки, несомненно, хищно набросятся на племянницу, как это водится, уж она знает, что ее ждет. Но вместе с тем дома ее ожидали интересные книги, а также недовязанный свитер. Доротка очень любила рукоделие.

Девушка нажала кнопку у калитки, услышав звонок, вошла, а входную дверь дома ей открыла тетка Меланья, проворчав:

— Заявилась, графиня. Как всегда, вовремя.

Из дома послышался раздраженный голос тетки Фелиции:

— Пока не разделась, пусть сбегает за проклятым маслом!

Ей нерешительно возразила третья тетка, Сильвия:

— Так, наверное, надо ей сказать...

* Для тех, кто забыл: гарпии в греческой мифологии — хищные, прозорливые птицы с женскими лицами, демоны раздоров, бурь, вихрей. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Не горит! — прогремела тетка Фелиция. — Сначала масло, а то магазины закроются.

— Отправляйся за маслом, — приказала Меланья. — Вот деньги. Поторопись! Скоро будешь вовсе к утру возвращаться!

Доротка почувствовала, как в ней растет протест. Магазин через две улицы, опять месить грязь и шлепать по лужам, ведь только что с трудом пробралась по разбитым тротуарам. Масло у них кончилось! Наверняка знали об этом раньше, три бабы в доме, не работают, Меланья, правда, ходит изредка на работу, но две остальные ничего не делают, а в магазин сходить не могли. Ясное дело, кому захочется выходить из дому в такую погоду?

Однако произнести это вслух девушка не осмелилась. Положив сумку на столик в прихожей, она лишь пробормотала:

— А вас что, в магазин не пускают?

И громче добавила:

— Я замерзла. И есть хочется. Только масло? А то потом окажется — еще за чем-то придется бежать.

— Она еще огрызается! — информировала Меланья сестер. И прикрикнула на племянницу: — А если и еще раз сбежать — ничего страшного. Феля, только масло или еще что?

Тетка Фелиция крикнула — больше ничего. Потом ее мнение изменилось, и она потребовала купить сыру. В дверях столовой показалась тетка Сильвия и заявила — в доме есть все, больше ничего не нужно. Доротка сунула в карман куртки маленький кошелек и молча вышла.

В магазине она принялась рассуждать. До закрытия было еще часа полтора, запросто могли погнать ее второй раз за покупками. Тетки гоняли племянницу

нешадно, по делу и без. Доротка вспомнила, что утром шел разговор о рыбе. Если Сильвия собирается жарить филе, — значит, потребуется лимон, кто их, теток, знает, может, как раз о лимоне забыли. И еще не мешает купить бульонные кубики, вечно их не оказывается в запасе. Интересно, сколько ей выдали денег?

Проверила, оказалось — кот наплакал. Заплатить из своего кармана? Но ведь ни в жизнь не отдадут, а денег оставалось в обрез. Ничего, сыру купит поменьше и всего один лимон.

Выяснилось — поступила правильно. Лимонов в доме не было, а Сильвия уже начала жарить рыбу. Вырвала из рук Доротки масло — в этом доме растительного не употребляли, все жарили на сливочном. И обругала племянницу за то, что купила всего один лимон.

— Так ведь денег мало дали! — возмутилась Доротка.

— А на свои не могла купить?

— Нет у меня своих. И не будет. Издательство переводит деньги на книжку, пока они еще поступят..

Меланья тут же вцепилась в девушку.

— Так ведь у тебя же были деньги! Куда они подевались?

— Потратила.

— На что? — заинтересовалась Сильвия. — А ну признавайся!

— Ну! — поддержала Меланья сестру. — На что потратила? Наверняка на какие-нибудь глупости.

Обе тетки торчали на кухне, одна занималась рыбой, вторая — просто за компанию. У Доротки мурашки побежали по телу. Не было у нее ни малейшего желания информировать теток о том, как она потратила свои собственные, только недавно заработанные деньги, хотя и не растратжирила их на глупости. Напротив, купила

наконец-то очень нужные вещи: приличные колготки, красивые трусики, духи. Первый раз в жизни смогла купить себе духи, и даже не духи, а одеколон, правда очень хороший. Той малости, что осталась от гонорара, должно хватить на автобус и другие необходимые вещи. Когда еще поступит перевод за вычитанную корректуру...

И девушка принялась защищаться.

— Почему-то автобусы меня не возят бесплатно, — сказала она, но вместо задуманного сарказма в ее голосе прозвучало отчаяние. — И никто не дарит ни бумаги, ни шариковых ручек, а без них я не смогу зарабатывать. А сейчас могу я пойти в ванную хотя бы руки вымыть?

И, не дожидаясь ответа, вышла из кухни. Перед тем как подняться наверх, Доротка прихватила в прихожей свою сумку. Наверняка тетки уже заглянули в нее. Они всегда просматривали ее вещи. Может, из любопытства, а может, надеясь обнаружить что-нибудь предосудительное, ну, скажем, письмо от милого дружка. У Доротки хватило ума уже давно отказаться от личных секретов, а если бы они завелись, тетки наверняка не получили бы к ним доступа. Ведь тогда издевательствам и насмешкам конца не будет! Начнет, как всегда, Меланья, а сестрицы ее дружно поддержат.

Комната, где размещалась еще и тетка Сильвия, никак не могла служить убежищем. Девушка с большим трудом добилась лишь разрешения отгородиться ширмой, чтобы можно было допоздна читать в постели. Сначала все три решительно запрещали жечь по ночам свет. Разрешение было дано после того, как Меланья раздобыла для племянницы работу в издательстве: редактуру переводов и вычитку корректур. Наконец-то способности девушки к иностранным языкам получили должную оценку, и ей разрешили работать дома по вечерам.

Доротка пользовалась разрешением и для того, чтобы наконец читать вволю. Тетка Сильвия ложилась спать с курами, свет ей мешал, вот и позволили поставить ширму. Хоть как-то отгородиться...

Дом был старым, довоенным, его строил еще дед. Четыре комнаты, кухня и две ванные, просто счастье, при наличии лишь одной члены семьи давно бы поубивали друг друга. Две комнаты находились на первом этаже. Самая большая служила гостиной-столовой, вторая, тоже немаленькая, с давних пор отведена была старшей дочери, Фелиции, которая, в бытность свою графиком, нуждалась в площади для размещения чертежной доски, а к тому же издавна держала весь дом в руках, была главной в семействе. Одна ванная находилась внизу, при этих двух комнатах. Вторая — на втором этаже, при двух остальных комнатах, из которых одну, как уже было сказано, занимали Сильвия и Доротка, а вторую — Меланья, младшая из сестер, женщина работающая, журналистка. Свои фельетоны она печатала на старой пишущей машинке марки «Оливетти», производя немалый шум. На электрическую, бесшумную машинку Меланья перейти отказалась, привыкнув к своей «Оливетти».

В настоящее время в доме проживали четыре женщины. А еще до недавнего времени их было пять. Бабушка умерла восемь лет назад. А еще раньше, до войны, Сильвии и Меланьи вообще здесь не было, с отцом и матерью в доме проживала лишь Фелиция, овдовевшая через два года после выхода замуж, и Кристина, будущая мать Доротки, остававшаяся в девушках до сорока лет. Потом все изменилось, дедушка умер, Сильвия и Меланья развелись одна за другой и возвратились в родительский дом, а Кристина, наоборот, переселилась к любовнику, отцу Доротки, который на Кристине не

женился, но от своего отцовства не отрекся. Сорокалетняя Кристина без памяти влюбилась в красавца парня, моложе ее на пятнадцать лет, и решила во что бы то ни стало родить от него ребенка. При родах она умерла, — видимо, сказался возраст. Отец ребенком не интересовался, его забрала бабушка, не посчитавшись с отчаянным нежеланием трех бездетных дочерей заполучить в дом ребенка. Вот так получилось, что Доротка всю жизнь прожила под опекой четырех женщин, из которых ни одна не была ее матерью, зато все пытались воспитывать сироту по-своему.

Счастье еще, что бабушка прожила до тех пор, пока Доротке не исполнилось четырнадцать лет, иначе дитя покинуло бы сей бранный мир гораздо раньше. Фелиция на дух не выносила детей, Меланья просто брезговала ими, Сильвия же с малолетства была недотепой, у которой все валилось из рук. Все три бабы решительно отказывались кормить младенца, купать его и одевать. Когда тот разрывался от крика, сестры реагировали по-разному. Фелиция закрывалась в дальней комнате и старалась не слышать воплей, Меланья убегала из дому, Сильвия, правда, пыталась что-то сделать, чудом не поломав ребенку ручек и не повырывав ножек. Уберегла малышку бабушка, единственная нормальная женщина в доме. Она же вела дом, на ней было все хозяйство, дочери работали и морально чувствовали себя освобожденными от необходимости заботиться о доме.

После смерти матери пришлось им этим заняться. Каждая пыталась свалить хлопоты на других. Целые месяцы в доме не утихали скандалы и громкие ссоры. Наконец Сильвия открыла в себе склонность к приготовлению пищи и согласилась взять на себя эту обязанность. Меланья время от времени наводила в доме

порядок, Фелиция же нехотя изъявила готовность мыть посуду и стирать, хотя при этом требовалось лишь сложить грязную посуду в моечную машину, а грязное белье — в автоматическую стиральную машину. Вынимать то и другое, расставлять по полкам и развешивать для просушки уже входило в обязанности Доротки. Впрочем, в ее обязанности входило почти все, сестры единодушно ввалили на плечи девушки многочисленные обязанности как по дому, так и вне его.

Моя руки, Доротка продолжала думать над тем, как ей избавиться от тирании теток. Уйти из дому? Куда? Снять квартиру сейчас не проблема, только вот откуда взять деньги? Поступить на службу, например, в качестве присяжного переводчика? Для этого надо сдать экзамены, принести в суде требуемую присягу и начать вкалывать день и ночь. При ее знании иностранных языков экзамены она сдаст легко, но ведь потом света белого не взвидит. В любое время суток ее будут вызывать в полицию и прокуратуру, придется работать в выходные и праздничные дни, часами просиживать на судебных заседаниях, а по ночам переводить показания бандитов и прочих преступников, а также вести бухгалтерский учет, чтобы налоговая инспекция могла ее контролировать. Спятить можно!

Но зато получит право дать объявление и приобретет клиентов.

Вытирая руки, подумала: могла бы выбрать из своих языков какой-нибудь редкий, скажем португальский или греческий. Вроде бы не слышно о португальских и греческих преступниках. Вот и не пришлось бы работать в суде и со следователем. Ох, все равно останутся трудоемкие картотеки и бухгалтерский учет, сплошные бумаги. Где бы она их держала? В этом доме у нее нет

своего угла, только крохотный письменный стол, в его ящике мало что поместится...

Доротка оказалась исключительно способной к иностранным языкам. Все началось с французского, который она слышала с того момента, как стала говорить. Бабушка, Фелиция и Меланья свободно владели французским, Сильвия слабее, но тоже знала его неплохо. В шутку и из вредности Меланья ввела обычай говорить при ребенке только по-французски, а понятливая девочка моментально овладела им. И пока не пошла в школу, даже не отдавала себе отчета в том, что в равной мере владеет двумя языками. И даже свободное общение со шведскими детьми ни о чем ей не говорило.

Шведские дети жили на той же улице. Муж-поляк вернулся из Швеции с женой-шведкой и двумя детьми. По-шведски муж говорил отлично, а его жена по-польски — ни в зуб ногой. Вот и получилось, что их дети знали только мамин язык, ибо дома говорили только по-шведски, не задумавшись над тем, что не мешало бы деткам изучить язык страны, в которой придется жить. Близнецы, годом старше Доротки, мальчик и девочка, сразу же после приезда подружились с Дороткой. Неизвестно, на каком языке они общались поначалу, но, пока выучили первые польские слова, пятилетняя Доротка уже свободно лопотала по-шведски, тем более что недалекая мамаша близнецов всячески польский пресекала и бдительно следила за чистотой шведской речи отпрысков. Итак, соседский дом говорил по-шведски, а вместе с ним и Доротка.

В школе трехязыковая Доротка впилась в английский и немецкий. И с легкостью, даже с удовольствием овладела еще двумя языками. За время учебы в школе изучила вдобавок португальский, испанский и греческий.